

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 141

В.А. Усольцев

Уральский государственный лесотехнический университет, Институт экономики и управления, г. Екатеринбург

«Великорусская идея» Михаила Меньшикова

Михаил Осипович Меньшиков родился 23 сентября 1859 года в городе Новоржев Псковской губернии, происходил из разночинцев. В 1878 году Михаил Осипович закончил Кронштадтское морское техническое училище, участвует в нескольких морских кругосветных экспедициях, в 1892 году выходит в отставку в чине штабс-капитана и целиком посвящает себя литературной деятельности. В полемических заметках отстаивает главенство совести по отношению к знанию в вопросах нравственного просвещения, и примат совести стал для Меньшикова главным принципом его творчества. Весной 1917 года после отстранения от работы в газете «Новое время» переехал на свою дачу в г. Валдай, и 20 сентября 1918 года по личному указанию Урицкого был расстрелян выездной карательной спецгруппой на берегу Валдайского озера у стен Иверского монастыря на глазах своей семьи. В 1993 году реабилитирован (Трофимова, 2012).

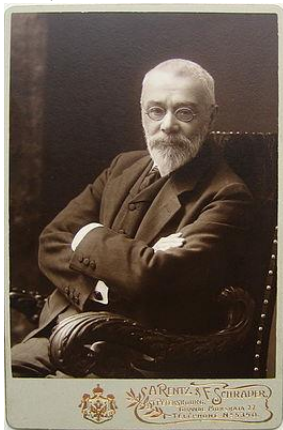
Особенно актуальное звучание в наши дни получает творчество Михаила Осиповича Меньшикова, которое он относил к категории «психологии политической страсти», включающей, в частности, два главных течения общественной жизни – консерватизм и либерализм, а также их соотношение, соотношение национального и универсального. Трактовка его М.О. Меньшиковым близка соотношению понятий «почвенничества» и «новой нравственности» в понимании Аполлона Григорьева, изложенных ранее (Усольцев, 2015), но в то же время она имеет свою специфику.

1. Единство и антагонизм консерватизма и либерализма

Отмежёвываясь от крайних, «болезненных» форм консерватизма и либерализма, когда они «похожи на озноб и жар одной и той же хвори», М.О. Меньшиков рассматривает их «спокойные, здоровые» состояния: «Здоровый консерватизм есть охранение жизни общества. Здоровый же либерализм есть усовершенствование этой жизни, развитие её начал. Очевидно, оба направления в их чистом виде решительно необходимы для общественной жизни, как в механике для движения нужна не только сила, но и масса. Консерватизм есть сохранение настоящего. Если представить себе, что настоящее, безусловно, прекрасно, то всякое стремление изменить его будет преступно, и либерализм заслуживает всяческих стрел сатиры. Наоборот, если настоящее дурно, то отстаивающий его консерватизм вреден, а сила, стремящаяся дать другое, лучшее настоящее – благодетельна. ...Таким образом, одно и то же направление может быть или добром, или злом, смотря по обстоятельствам» (Меньшиков, 2012б. С. 372).

М.О. Меньшиков отрицает необходимость неустанного стремления к развитию форм жизни, необходимость «непрерывного, бесконечного прогресса» и мотивирует это следующим образом: «Мир существует вечно, и если бы он всё время развивался, то имел достаточно времени развиваться до какого угодно совершенства. И я думаю, что всё сущее в плане своём настолько совершенно, насколько это возможно, и весь

мир в своём целом идеален. Поэтому для дерева нет иного идеала, как дерево, для животного – животное, для человека – как человек. Мир вовсе не развивается, а всё сущее в нём колеблется в известных пределах, «их же не преjdeши». Человеческое общество и сам человек в состоянии прогрессировать, но лишь до известного, определённого свойствами природы предела. Далее следует либо остановка, либо обратное шествие. Если остановка, то либерализму нечего делать, и всецело властвует консерватизм. Во втором же случае, при реакции, этот консерватизм, старающийся отстоять высшую ступень культуры, есть начало благодетельное, борющееся с вредным движением. Определить в каждый момент, которая из партий на истинном пути, нелегко. Как в океане, здесь необходим компас, и имя ему – совесть» (Там же. С. 373).

Михаил Осипович Меньшиков (1859-1918)

Идею прогресса «лишь до известного, определённого свойствами природы предела» развили в своем творчестве А. и Б. Стругацкие (2008). Согласно их концепции, естественная жизнь Разума соответствует Закону Гомеостатического Мироздания, который «...проявляется единственным образом – через невыносимое давление. Через давление, опасное для психики и даже для самой жизни» (с. 136). Подобным образом Мироздание защищается от «...угрозы превращения человечества в сверхцивилизацию» (с. 101), от угрозы конца того света, который существует и существовал уже миллиард лет назад и которому научные еретики «...сами того не подзревая, угрожают своими микроскопическими попытками преодолеть энтропию» (с. 102) и статья «ласточками грядущих катаклизмов». В основе стабильности Мироздания лежит непрерывное балансирование между возрастанием энтропии и развитием Разума – это и есть «воля Вселенной», по К.Э. Циолковскому, и диалектика, по Гегелю.

Вот жизненное кредо научного еретика, героя повести А. и Б. Стругацких: «Мы имеем дело с законом природы. Воевать против законов природы – глупо. А капитулировать перед законом природы – стыдно. В конечном счете – тоже глупо. Законы природы надо изучать, а изучив, использовать. Вот единственно возможный подход. Этим я и собираюсь заняться» (с. 136). Герой повести выбирает эту «дорогу на Голгофу», обрекая себя на одиночество, и не было в его глазах «...ни напряжения, ни натужного бесстрашия, ни пылающего самоотречения» (с. 137), поскольку альтернатива этому решению лишь одна – «околонаучное ремесло» с его девизом: «Живой пес лучше мертвого льва».

В этой связи М.О. Меньшиков определяет места человека «среднего» и человека «выдающегося» в культурном пространстве: «Культура – это наследственный опыт данного народа, создающий – безразлично - дикий или цивилизованный образ быта, но прочный и привычный. Такой прочный быт стеснителен, быть может, для отдельных, гениальных натур, но для массы человеческой он решительно необходим. В самом деле, средний человек по природе уже есть массовый человек, единица чего-то целого, с чем он кровно связан, как клеточка с телом. ...В готовом русле государства, сословия, веры, профессии человек сосредоточивает всю энергию в данном направлении, как пар в трубе, не разбрасываясь в пространстве. ...Вы живёте так, как все, одеваетесь, как все, едите то, что нравится другим, разговариваете, даже думаете так, как все, то есть вам не приходится самому придумывать тысячу вещей и форм отношений, а всё это вы получаете готовыми. Человеку выдающемуся, оригинальному можно задохнуться в такой обстановке; зато средний счастлив вполне; каждый шаг его направлен по определённому пути: ни сомнений, ни мучения выбора, ни необходимости решаться» (Меньшиков, 2012б. С. 373-374).

И ещё в отношении «монолитного» общества: «Когда такой крепкий порядок утверждался среди звериных нравов и в невежественном обществе, культура была гибелью благороднейших элементов, и хотя средний человек жил недурно, но таланту и развитию не было простора. Душно и жутко существовать в таком обществе человеку оригинальному – культура отрицает оригинальность, принося её в жертву посредственности. Но зато когда культура устанавливалась на достаточно высокой ступени образованности, заставляла добрые обычаи, - жизнь принимала прекрасный облик. ...Консерватизм, свойственный каждой культуре, могуче поддерживал общий строй жизни на раз достигнутой высоте, не давая ему падать; не только средним, но и лучшим людям жилось легко, так как уровень “посредственности” в таком обществе очень высок, и она не слишком тянет выдающиеся головы книзу. Такая культура - счастливейшая пора в истории народов, и добиваться её – долг их» (Там же. С. 375-376). В этой связи исключительно важно повышение уровня культуры: «Даже люди высоко оригинальные и одарённые, как бы от природы просвещённые, и те без воспитания гибнут или выходят уродами».

На упомянутых выше научных «еретиках», познающих тайны окружающего мира, иногда с риском для жизни, всегда держалась истинная, или по современной терминологии, академическая наука, функционирующая в России уже в течение 300 лет со времён Петра I. Большинство научных открытий всегда встречало сопротивление со стороны «традиционных» научных воззрений, и судьба многих «еретиков», которые были не в состоянии его преодолеть, была трагичной. Высказывание одного из таких «еретиков», русского биолога А.А. Любищева, что «в науке голосование ничего не решает, поскольку наука – не парламент, и большинство оказывается чаще всего неправым», имеет под собой глубокий смысл. Но именно голосованием присуждаются учёные степени, что «отсеивает» прорывные идеи и результаты на самом входе.

Вместо того, чтобы создать систему, в которой научные «еретики» чувствовали бы себя не изгоями, а вполне уважаемыми и престижными людьми, наши правители не придумали ничего лучше, как подчинить Российскую академию наук произволу чиновников (так называемому ФАНО), далёких от науки, но тем не менее, определяющих её приоритетные направления. Эти, по выражению А.А. Любищева, «современные фельдфебели, данные нам в вольтеры», сегодня превращают академические институты - в прикладные (при отсутствии необходимой материальной базы!), т.е. вместо опережающих на 20-30 лет фундаментальных разработок требуют от институтов немедленной отдачи и «инноваций», а научный уровень учёных определяют исключительно по количеству публикаций в престижных англоязычных журналах, публикаций, возможность которых определяется мнением опять-таки «большинства голосов» зарубежных рецензентов.

Однако наши учёные не могут конкурировать с западными, во-первых, вследствие низкого научного уровня, вызванного тем, что финансирование науки в России на два порядка ниже, чем в США, Японии, Китае и ведущих странах Европы. Во-вторых, известно, что в европейских странах уже школьники свободно владеют английским, а советская школа дальше умения «читать и переводить со словарём» не шла, дабы не слушали наши граждане враждебные зарубежные «голоса». Я, например, имел в аттестате зрелости «отлично» по немецкому языку, но связно выговорить мог разве что “Guten Morgen!” и “Guten Tag!”. В современной же России с переходом на ЕГЭ школа и этого не даёт. И сейчас, чтобы как-то выжить, наши учёные заполняют редакции зарубежных журналов квази-англоязычными околонучными статьями, которые с большим сарказмом и злорадством отвергаются издателями.

Да, у нас есть множество коммерческих школ, в частности, система «Галисман», по изучению в том числе английского языка, но методика преподавания там – по сути, та же, что в советской школе: вместо «погружения» на период летних и зимних кани-

кул, дают язык по 1-2 занятия в неделю, растягивая процесс на годы и превращая его в средство выкачивания денег у родителей. Результат примерно такой же, который можно получить, разбавляя флакон духов ведром воды.

Из личного опыта. Мой 10-летний внук решил изучать китайский, а 5-летняя внучка – английский, в одной из коммерческих школ. Прошло четыре месяца, но их даже считать до 10 не научили ни по-китайски, ни по-английски. Зато третий внук, которому только 4 месяца, испугался и заплакал, когда я ему в шутку сказал: «Колобок, колобок, я тебя съем!». В возрасте 4 месяцев он уже понимает по-русски! Вот когда надо начинать изучение языков, и не растягивая процесс на годы, а интенсивным методом «погружения». Известно, что ныне покойный профессор Сергей Петрович Капица обладал чистейшим «кембриджским» произношением, потому что родился и рос в Кембридже, где тогда работал его отец, будущий нобелевский лауреат Пётр Леонидович Капица. А что делать ныне детям, родившимся в России?

Да, у нас есть общеобразовательные государственные школы с углублённым изучением английского. Но кто там учится? Десять лет назад ещё один мой внук собрался в 1-й класс. Рядом с его домом расположена одна из таких школ. Я, по наивности своей, решил перед её завучем походатайствовать за внука. Выяснилось, что обучение бесплатное (!), более того, всякие денежные приношения недопустимы и преследуются по закону (!). Потом завуч долго плела мне какую-то околесицу и пыталась объяснить, почему мой внук не может быть принят. Суть её словоблудия сводилась, грубо говоря, к тому, что не с моим «профессорским рылом» сюда соваться. Тогда кто же из родителей вхож в подобные учреждения? И изберут ли дети таких родителей, окончившие такую школу, путь научных «еретиков», открывающих тайны природы?

2. Либерализм истинный и либерализм неистовый (ложный)

«Что такое либерализм?» - спрашивает М.О. Меньшиков (2012б). – И продолжает: «Я не понимаю и не признаю этого явления иначе, как то, чем оно называлось при своём появлении – иначе, как гуманизм, человечность в благородном значении этого слова. Может быть, под термин “либерализм” подставляли разные содержания, и иногда бессовестные, но я считаю это таким же злоупотреблением, как подстановку инквизиции под Христианство. Истинный либерализм, по моему мнению, есть развитие нравственного лозунга, данного две или две с половиной тысячи лет тому назад и неисчерпанного ещё до сих пор. Либерализм, как я его понимаю, есть стремящаяся воплотиться совесть. Рождённая вместе с человеком, вскормленная религией, совесть явилась в XV столетии силой, требующей себе права жизни. Совесть потребовала, чтобы “Слово плоть бысть” и явилось в мир как дело, как реальный факт. Человек увидел, что праведным перед Богом он может быть только среди праведного общества, что грех поддерживать то, что есть грех, и что несправедливые формы жизни, как бы они ни были милы сердцу и привычны, должны быть изменены. ...Недавно явившаяся на сцену истории сила – совесть – растёт, как зерно горчичное, ведя передовое человечество к цели, предсказанной Христом» (с. 406-407, 408).

М.О. Меньшиков воздавал должное русскому либеральному движению 1840-1850-х годов как выразителю истинного либерализма, которое ставило своей высокой целью «построить новое, просторное и светлое здание для великого русского племени, вывести его из развалин в дом с “европейскими удобствами”, не исключая удобств сердца, ума и совести. Либерализм желал создать то, что консерватизму стоило бы защищать» (Там же. С. 418). Отсюда, т.е. как реализация целей истинного либерализма и традиций истинного консерватизма – сформировавшаяся в поколении дворянской интеллигенции 1840-х годов необычайная сила духа, слагавшаяся из веры “в мировую тайну” (Бога), чувства долга, чувства прекрасного, самоотверженности, обусловившая

всё лучшее в русской общественной жизни во второй половине XIX века: литературу, науку, подлинно гуманные реформы (Трофимова, 2012). Сегодня русская классическая литература (Достоевский, Толстой, Тургенев, Чехов, Бунин и др.), русское искусство (композиторы, художники) XIX века признаны во всём мире.

Но чем же обернулось это стремление к «европейским удобствам» для российской действительности? Хотя Меньшиков прямо не говорит, но его высказывания служат в пользу мысли, что в действительности либерализм истинный «переразвился» в либерализм крайний, в «неистовый» либерализм правящей элиты. В условиях, когда русская народность еще «не успела кристаллизироваться» до уровня западноевропейских стран, в условиях «крайне слабо выраженного национального типа», в условиях, когда расстройство патриархального быта оторвало русских людей от их корней, в условиях разброда среди разночинной интеллигенции, что стало причиной появления “лишних людей”, пассивных героев, “нытиков”, - «русский человек обрёл представления чуждой европейской культуры, но не обрёл своей воли» (Меньшиков, 2012а. С. 21).

В результате М.О. Меньшиков констатирует: «Наплыв западной цивилизации в течение последних столетий не только не упрочил нашу культуру, но страшно её расстроил, решительно выбив из колеи все сословия, все мирозерцания, все старые формы жизни. Я говорю это не для того, чтобы превознести старую жизнь, но чтобы напомнить, что мы вышиблены из колеи, что хотя прежняя дорога была кривая и узкая, но теперь мы сброшены вовсе с дороги и плетёмся вне её, по целине болот и лесов. ...Европа уже завладела главной твердыней нашей национальности – мирозерцанием верхнего нашего слоя, его образованием, идеалами. Наша интеллигенция психически уже не русская, почему она так плохо понимает народ и народ так плохо понимает её. Начиная с Петра I, мы уступили более сильному Западу, и сколько бы ни сопротивлялись остатками своей старинной самобытной культуры, неудержимо будем подчиняться и уступать» (Меньшиков, 2012б. С. 381, 384). Таким образом, в условиях развития «крайнего» либерализма в общественной жизни России у М.О. Меньшикова просматривается идея сохранения традиций в духе «истинного» консерватизма.

Население небольшого пространства Европы изначально было относительно оседлым. Кроме того, «в европейца вложено наследство античной цивилизации, которое он затем постоянно приумножал, накапливая тысячу или полторы лет, обращая в нетленное золото искусства, науки, законодательства, промышленности. ...У нас не то: на необъятном пространстве России население беспрерывно растекалось, рассеивалось, бродило, не будучи в состоянии сколько-нибудь насытить собою это безбрежное пространство и испаряясь в нём, как разлившаяся по степи лужа. То печенеги и половцы, оттеснившие нас ещё на заре истории от наиболее удобного для гражданской жизни берега моря, то удельная система с постоянною перекочевкою князей и их дружин, то татары, оборвавшие завязи культурного быта, то затем собиранье земель, тщательно стиравшее местные особенности, то эпоха немцев при Петре и после Петра, то крепостное право, раскол, кровавые войны, жестокие поборы и притеснения, то, наконец, разорение и безземелье расстраивали и постоянно сгоняли русскую народность с насиженного места» (Меньшиков, 2012б. С. 381, 383).

Однако М.О. Меньшиков видит отрицательное влияние на общественную жизнь России не только Запада, но и тех «малых» народов, которые некогда вошли в состав Великороссии: «Мы в плену. Хотя многие этого не чувствуют и почти никто об этом не говорит, мы в духовном и политическом плену у некоего чужеземного нашествия, которое просочилось в наши государственные ткани и сделало их хрупкими и дряблыми. Мы в плену у чуждой нам инородческой психологии, привившей нам робость, растерянность, отсутствие чувства национальной личности и чести. ...Мы до того увяли, что не слышно даже шепота о любви к Отечеству – самое понятие о народной гордости нам представляется дерзким. Почти забыты времена, когда внимание общества занимали героические легенды, сказания о подвигах предков, предания о силе, славе, величии

своей Родины. Позабыты века, когда в кругу высоких понятий вырастали молодые поколения и мужественно брались за меч и плуг» (Меньшиков, 2012а. С. 138).

Далее он обращается к Ветхому Завету: «Мы в плену у рабских, недостойных, морально ничтожных влияний, и именно отсюда наша нищета и непостижимая у богатого народа слабость. Как это случилось, что народ-победитель перенял психологию побеждённых им народностей? ...Если вы победили, то считайте же себя избранным народом и берегите раз достигнутое совершенство как зеницу ока. Если совершился в лице вашем исторический отбор, то не портите его примесью плохого сорта. Будьте самими собою и никем иным. ...Таков смысл первой заповеди избранного народа. Смешение с иноплеменниками считалось грехом смертным, в особенности допущение инородческих граждан в свою среду. ...По великодушию победителей, по славянской простоте, по добродушию наши предки допустили слишком широкое внедрение в нашу государственность покорённых народностей. Случилось великое несчастье в XVI веке: наша национальная аристократия истребила себя в распрях и уже не могла дать отпор инородческому нашествию. По затмению нашего государственного разума татары, поляки, немцы, шведы протерлись в большом количестве в служилый класс, и с каждым поколением последний становился всё менее крепким, всё менее мужественным, всё менее верным своей земле. ...Люди чужой расы и чуждой нам психологии вносят хуже, чем вражду к России, - они вносят равнодушие к ней» (Там же. С. 139-140).

И последний аргумент: «Я глубоко убеждён, что так называемое “русское авось” - вовсе не русское: оно привито нам вместе с психологией побеждённых народностей. Древние наши предки, создатели господства нашего племени, не могли бы создать его, если бы боролись “кое-как” и работали бы “на авось”» (Там же. С. 140).

Этот взгляд М.О. Меньшикова, в данном случае как «истинного» консерватора, противостоит позиции «крайнего», или «неистового» либерализма: «Наши кастрированные в национальном чувстве кадеты под внушением разлагающей пропаганды евреев, не имеющих отечества, порешили на том, что все племена в России полноправны и каждая, хотя бы засохшая ветка какой-нибудь расы имеет право на “национальное самоопределение”. На этом основании первый кадет от Петербурга в Первой думе, профессор Кареев, предложил даже отменить название “русское государство”, ибо наше государство будто бы не русское, а русско-польско-татарско-литовско-финско-армянско-грузинско-киргизско-эстонско-самоедское, что ли. Хотя взгляд отменно простодушного кадета не имел успеха, однако множество так называемых либеральных людей близки к мысли, что равноправие племён разумно и справедливо» (Меньшиков, 2012а. С. 159).

В подкрепление своей позиции М.О. Меньшиков цитирует один из варшавских журналов начала XX века: «Целый миллион должностей и служебных положений во всей России в руках польских. С этих постов мы ослабляли Россию. Теперь же, когда она в развалинах, мы должны на этих развалинах воссоздать независимую от моря до моря Польшу». И комментарий М.О. Меньшикова: «В самые гордые времена “крулевства” польского объём и вес Польше давала русская народность. Но с какой же стати русскому племени вновь идти в плен к полякам? На это едва ли согласятся даже те “не помнящие родства” предатели русского народа, что называют себя “украинцами”. О белорусах и говорить нечего» (Там же. С. 99-100).

Этот «не имевший успеха» взгляд кадетов на “национальное самоопределение” был взят на вооружение большевиками в 1917 году и в результате привёл к гибели великую державу – Советский Союз. При развале СССР российское руководство, как пишет А.И. Солженицын (2006), «поспешно и послушно капитулировало, с равнодушной лёгкостью оставив за границами новой России почти такое же по объёму русское население, сколько потеряно всем Советским Союзом во Вторую Мировую войну. ...Знает ли мировая история такое массовое предательство своих сынов Родину, как

одномоментно мы бросили за границами России одну шестую часть русского народа, и безо всякой нашей защиты и попечения? ...Русские стали ныне разделённой нацией - как нововозникшими границами СНГ, так и внутри самой России: разделённой по автономиям, зажившим по разным законам. И государство, где русские составляют стержневое большинство, - обязано ли защитить также интересы русских или заглушить их?». И далее: «Забота о равных правах для русских не есть русский национальный эгоизм. Бремя обёрнутого национального неравенства разрушительно налагает на российскую государственную конструкцию в целом. А русский народ в России – государствообразующее ядро, и без него никому не посилено нести ответственность за сохранность государства. Судьба русского народа определит и судьбу России» (с. 38, 65, 131-132).

Четверть века назад 25 миллионов русских людей оказались в одночасье за пределами своей Родины в русофобском окружении «титовых» наций бывших союзных республик. Что сделала для них Россия под причитания чиновников о катастрофической убыли коренного населения страны? Лишь спустя 15 лет, в 2006 году была принята «Программа по переселению соотечественников». В 2012 году директор Федеральной миграционной службы заявил, что за истекшие шесть лет в Россию переселилось 80 тыс. соотечественников (<http://www.grrf.ru/smi-o-nas/novosti/166-konstantin-romodanovskij-programma-po-pereseleniyu-sootechestvennikov-iz-za-rubezha-stanet-bessrochnoj.html>).

Соотечественников, но не русских! Наши законодатели в угоду так называемой «политкорректности» сочли неправомерным оказывать преференции русским, составляющим 80 % населения России, в ущерб представителям других наций из бывших республик СССР, а ныне русофобски настроенных самостоятельных государств. В последнее время на самом высоком государственном уровне в России начала проявляться «забота» о наших соотечественниках (в данном случае, русских), оставшихся в бывших республиках СССР, проявляющаяся, в частности, обеспокоенностью тем, что русскоязычные школы там недостаточно снабжаются учебниками! И никому не приходит мысль спросить этих несчастных русских, а нужны ли им эти учебники? Родителям русских детей нужны не учебники, а русские паспорта, которые охотно выдаются и украинским беженцам с Донбасса, и иностранным киноартистам, но только не коренным русским.

Из личного опыта. Мне пришлось работать в Казахстане почти четверть века, с 1960-х по 1980-е гг., и после возвращения на Урал поддерживаю связи с оставшимися там коллегами. В этом году в Казахстане всё делопроизводство переведено на казахский язык, т.е. никакого «двуязычия» там не стало. Даже тем русским, которые специально учили казахский, чтобы вписаться в их ментальность, закрыты возможности карьерного роста, и дело, видимо, не в знании языка. Мой внук с правнучкой вот уже третий год как переселились из Северного Казахстана в Екатеринбург и до сих пор безуспешно обивают пороги миграционной службы в надежде получить гражданство РФ. В числе стоящих сегодня в очередях в представительствах миграционной службы Екатеринбурга русские составляют около 10%, а остальные 90% переселенцев к русскому миру никакого отношения не имеют, а зачастую и по-русски толком не в состоянии говорить, имея при этом справки о сдаче экзамена по русскому языку. Из-за наплыва «инородцев» вводятся квоты, и в результате русские месяцами, а то и годами не могут вернуться на историческую родину.

3. Консерватизм истинный и консерватизм неистовый (ложный)

«Всякая организация требует известного спокойствия, постоянства условий, то есть консерватизма, - пишет М.О. Меньшиков (2012б). -...Эта основная важность кон-

серватизма составляет его правду, чувствуемую всеми, и только эту правдою консерватизм – какой бы он ни был – и держится. Только в силу этого бессознательного признания огромное большинство людей столь недоверчивы к новизне» (с. 384). Почти все наши великие и талантливые поэты были консерваторами, потому что «как настоящие светила, держались *тверди* – вполне твёрдой и установленной традиции. ...Эта склонность к консерватизму изящных писателей объясняется, прежде всего, характером их дарования. Художник – консерватор уже в силу своего художественного темперамента. ...Поэты вечно будут консерваторами – в лучшем смысле, как мыслители – либералами в лучшем же смысле» (с. 385, 389, 393). В предыдущем разделе уже было показано, что такое консерватизм истинный в противостоянии его либерализму «неистовому».

Но вот «вместо благодати, когда-то вложенной в то или иное верование, видишь иногда пустое место – и даже не пустое, а наполненное “мерзостью”, то есть тем содержанием, отрицать которое культ и призван. В древней, иногда прекрасной форме, окаменевшей до неподвижности, царит дух смерти и разложения. ...Чтобы понять опасность неистового, ложного консерватизма, нужно вспомнить общий органический закон для всего живущего. Культура (то есть вся система культов) подчинена закону зарождения, развития и одряхления. Даже самая лучшая, самая совершенная культура не вечна. Раз установившись и исчерпав логику своей основной мысли, изжив всё творчество живых клеток, великий организм постепенно превращается в механизм, ...не способный восстанавливать свои части, энергию их и волю. ...Это будет подобие психической смерти или одичания на вершинах культуры. ...Вечная неподвижность, хотя бы в высоких и совершенных формах, претит даже непримиримым консерваторам (Меньшиков, 2012б. С. 409-410).

И к либерализму, и к консерватизму, по мнению М.О. Меньшикова, применим закон инерции: «Закон инерции применим, конечно, и к либерализму, и те крайние отрицания, о которых я говорил выше, есть именно продукт этой инерции; но особенно опасен он в консерватизме. ...Я уже говорил о положительных и ценных сторонах консерватизма, гения-охранителя культуры, но в силу инерции это охранительное свойство постепенно превращается в раковину тридакны или в броню черепахи, душащую организм в его собственном теле» (Там же. С. 412).

Далее писатель приводит пример, имеющий прямое отношение к современной российской реальности с её сформированной правящей партией «вертикалью власти»: «Точно так же из преувеличенной заботливости о порядке в иных странах введена чрезмерная централизация; вся государственная деятельность вручена бюрократии, классу наёмных чиновников, далёких и чуждых живому течению жизни. Всё остальное население, то есть вся нация, лишена прикосновения к самым возвышенным интересам своей общей судьбы, отчуждена от благороднейших задач жизни – политических и культурных, а это сильно понижает народную самодеятельность, низводит общество к низкому и грубо-материальному уровню. Бездействующие высшие способности нации, согласно общему биологическому закону, атрофируются, отмирают» (Там же. С. 413).

И в заключение: «Таким образом, консерватизм всегда имеет простор не только для развития, но и для переразвития. Одна из постояннейших черт этого явления – потеря духа общественности, более или менее полное отделение власти от народных масс» (с. 413).

4. Быть ли России великой?

В 1913 году в статье «Великороссийская идея» М.О. Меньшиков отдаёт дань памяти великому русскому гражданину Петру Аркадьевичу Столыпину: «Сегодня открывается памятник государственному мученику, павшему от руки еврея. В лоне “матери городов русских” упокоился великий гражданин, в сердце которого горели те же

государственные начала, что свыше тысячи лет назад вдохновляли государей новгородских и киевских».

В 1910 году в статье «Русское пробуждение», выражая мнение образованных классов – профессоров, военных в отставке, священников, журналистов, - писатель говорит о защите национальных интересов от посягательств других народностей и об отсутствии агрессивных, захватнических планов у русского национализма: «Национализм русский, по крайней мере в моём понимании, не есть захват и не есть насилие. *Национализм есть честное разграничение*. Захват и насилие в его коварных формах идут со стороны не русского национализма. Не мы идём на инородцев, а они на нас. ... Враги русской народности, всячески отстаивая свой национализм, всемерно опорочивают русский. Когда речь зайдёт о нарушении прав еврея, финна, поляка, армянина, поднимается негодующий вопль: все кричат об уважении к такой святыне, какова национальность. Но лишь только русские обмолвятся о своей народности – поднимаются возмущенные крики: “Человеконенавистничество! Нетерпимость! Черносотенное насилие! Грубый эгоизм!” Сами ожесточенные эгоисты, поклоняющиеся идолу отчуждения, насадившие на нас инородцы не признают за Россией её народного “я”».

В упомянутой выше статье 1913 года М.О. Меньшиков продолжает тему русского национализма применительно к личности П.А. Столыпина: «П.А. Столыпин не был создателем русского национализма, но, как все благородные люди, он родился с преданностью своей стране, с чувством гордого удовлетворения своею народностью и с пламенным желанием защитить её и возвеличить. Все русские люди с честью и совестью – сознательные или несознательные националисты. Они, как порядочные немцы, англичане, французы, поляки, финны, евреи, несут в душе своей наследственный завет служения своему племени, своему народу. ... Отдельная личность – лишь звено в бесконечной цепи рода, и всё призвание этого звена – *не разрываться*, удерживать в себе полную передачу жизни из прошлого в будущее. Для этого каждое звено должно быть такой же железной крепости, как род, которого он является продолжателем. Эта родовая крепость, преобразуясь в личное сознание, даёт патриотизм, расширяющий отдельную душу до неизмеримого объёма Родины. Люди столыпинского склада в России ещё юношами, в ранние годы, ощущают радость чувствовать себя не какими иными, а только русскими людьми». Таким образом, в понимании писателя национализм и патриотизм – понятия родственные.

Характеризуя П.А. Столыпина как великого гражданина России, М.О. Меньшиков пишет: «Столыпин ещё до мученической смерти сделался дорог России тем, что сумел показать ей в своём лице некий пленительный образ – образ благородного государственного деятеля, имеющего высокую историческую цель. Сразу, в первые же дни, почувствовалось в нём бесстрашие и неподкупность, то непоколебимое упорство, которое в конце концов даёт победу. По правде сказать, Россия истосковалась по такому историческому человеку – она давно ждёт его не дожждётся» (Меньшиков, 2012а. С. 206).

После поражения России в войне с Японией стала ясна причина разгрома: «чиновно-дворянская бесхозяйственность, неумение овладеть огромными средствами империи, чтобы сделать её непобедимой. Чиновники этого не могли сделать». Кроме созданного народного представительства нужно было и «новое правительство в стиле великой реформы», и Столыпиным оно было сформировано. «Великая реформа и первый страж её – Столыпин – внесли в наш заглухший патриотизм благородную прививку, - пишет М.О. Меньшиков. - ... Столыпин явился в ту эпоху растреления души русской, когда под иностранным и инородческим культурным засильем мы почти совсем забыли, что мы русские. Почти два столетия кряду нам прививалось отрицательное отношение ко всему *своему* и почтительное – ко всему чужому. ... Перед Столыпиным стояли два громадных факта, органически связанных. Несомненный упадок русской жизни, и гос-

ударственной, и народной, с одной стороны, и потеря в народе веры в своё родное – с другой. Сложился губительный гипноз, будто мы ничего не стоим и ничего не можем, и будто в таких условиях нам всего лучше уступать иностранцам и инородцам, уступать и уступать» (Меньшиков, 2012а. С. 207, 208, 210, 211).

М.О. Меньшиков видит в национализме (патриотизме) главное условие возрождения России, и честь возглавить процесс такого возрождения была уготована П.А. Столыпину: «Из всех государственных людей Столыпин на своем посту наиболее определённо примкнул к русскому национальному движению, ставящему целью восстановить Россию в её величии. “Вам нужны великие потрясения, - говорил Столыпин инородческой смуте, - нам нужна великая Россия”. ...Столыпин пришёл в годы великого испытания. После двух столетий всевозможного покровительства инородцам Россия оказалась покрытой могущественными сообществами поляков, финляндцев, евреев, армян, немцев и проч. Когда бюрократия наша, обессиленная и обездушенная инородческим засильем, оказалась разбитой на Востоке, поднялось восстание, вдохновлённое по преимуществу теми же инородцами. Столыпин довершил борьбу с восстанием и провёл ряд мер против финляндского, польского и еврейского натиска. Не погибни он от еврейской пули, возможно, что эти разрозненные меры сложились бы в строго национальную государственную систему, отсутствие которой так глубоко чувствуется» (Там же. С. 211, 212, 213).

В вопросах национальной политики М.О. Меньшиков выступает в роли истинного патриота России: «При всей бессовестной клевете на русский национализм необходимо помнить, что это не какая-нибудь новость в природе. Это просто национализм, только русский. Он точь-в-точь схож со всеми национализмами на свете и разделяет все их добродетели и грехи. Вообще национализм – будь он английский или еврейский – есть лишь племенное самосознание или, как нынче любят говорить, племенное самоопределение. Вот это небо – наше родное небо, слышавшее молитвы предков, их плач и песни. Эта земля – наша родная земля, утучнённая прахом предков, увлажнённая их кровью и трудовым потом. В этой родной природе держится тысячелетний дух нашего племени. ...Желаем, чтобы это небо и земля принадлежали потомству нашему, а не какому иному. Желаем, чтобы тот же священный язык наш, понятный св. Ольге и св. Владимиру, звучал в этом пространстве и в будущем и та же великая душа переживала то же счастье, что и мы, сегодняшние. Да будет мир между всеми народами, но да знает каждый свои границы с нами!» (Там же. С. 211, 212). Об этом же говорил П.А. Столыпин: «Народ, не имеющий национального самосознания, - это навоз, на котором произрастают другие народы».

В вопросах внутренней национальной политики М.О. Меньшиков выступал за гегемонию русской ментальности как условие будущего могущества России: «И иностранцы, и инородцы могут жить в земле нашей, но лишь под двумя условиями: или они должны быть временными гостями, не стесняющими хозяев ни количеством своим, ни качеством, или они должны усваивать нашу народную душу через язык, обычаи, законы и культуру нашу. Никаких иных государств в нашем государстве, никаких чуждых колоний, никаких отдельных национальностей, внедрённых в нашу, мы допустить не можем, не обрекая себя на гибель. ...Унаследовав от предков такое бесценное благо, как независимая государственность, мы обязаны передать её дальше, в долготу веков, усовершенствовав и возвеличив. Если никому не кажется странным, что Англия по всему неизмеримо огромному пространству своей империи поддерживает строгое господство своего языка, государственности и культуры, то пусть не кажутся странными те же требования и нашей политики в черте Российской империи» (Там же. С. 212).

Позднее А.И. Солженицын (1990) напишет: «Еще в начале века наш крупный государственный ум С.Е. Крыжановский предвидел: "Коренная Россия не располагает запасом культурных и нравственных сил для ассимиляции всех окраин. Это

истощает русское национальное ядро". А ведь то сказано было - в богатой, цветущей стране, и прежде всех миллионных истреблений нашего народа, да не слепо подряд, а уцеленно выбивавших самый русский ОТБОР. А уж сегодня это звучит с тысячекратным смыслом: *нет у нас сил* на окраины, ни хозяйственных сил, ни духовных. *Нет у нас сил* на Империю! - и не надо, и свались она с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель».

Тот же принцип национальной политики применял М.О. Меньшиков и к славянским народностям в пределах России: «Права первородства, права державного верховенства среди русских племён давно установлены. Великороссам нужно не завоёвывать эти права, а лишь утверждать, и в этом направлении им остаётся действовать сообразно с самой природой. Жребий давно брошен. Национальность всероссийская давно определена как великорусская, и вместо того, чтобы изобретать несуществующую просто русскую государственность, малороссам и белорусам следует искренно примкнуть к великорусской государственности, давно существующей. Ведь она и для таких такая же родная, как и для нас, ибо своей, сколько-нибудь прочной, у них никогда не было» (Меньшиков, 2012а. С. 107-108).

В статье «Быть ли России великой?», опубликованной в 1911 году, М.О. Меньшиков уделяет особое внимание малороссийскому сепаратизму в лице «преступной партии», носящей имя гетмана Малороссии Мазепы, предательски перешедшего на сторону шведов во время Северной войны (1700-1721), измена которого, возможно, и стала вдохновительницей малороссийского сепаратизма: «Поддерживаемая врагами России, постепенно сложилась изменническая партия среди малороссов, мечтающая о разрушении Российской империи и о выделении из неё особого, совершенно “самостоятельного” украинского государства. ...Никогда ещё, кажется, политический психоз не развивался до такой болезненной остроты. Ни одно из инородческих племён – кроме разве поляков – не обнаруживает такой воспалённой ненависти к Великой России, как эти представители Малой Руси. Самые ярые из них отказываются от исторического имени “Россия, русские”. Они не признают себя даже малороссами, а сочинили особый национальный титул: “Украина”, “украинцы”. Им ненавистна простонародная близость малорусского наречия к великорусскому, и вот они сочиняют свой особый язык, возможно, более далёкий от великорусского. Нужды нет, что сочинённый будто бы “украинский” жаргон является совершенно уродливым, как грубая фальсификация, уродливым до того, что сами малороссы не понимают этой тарабарщины, - фанатики украинского сепаратизма печатают названной тарабарщиной книги и газеты. ...Нельзя забывать, что политические помешательства заразительны: в силу этого государственная власть обязана глядеть на украиноманство как на одну из злокачественнейших язв нашей внутренней жизни» (Меньшиков, 2012а. С. 197).

«Мазепинство» - против «панмосковитизма» в XIX веке (Иванов, 2015).

Далее М.О. Меньшиков комментирует историка М. Грушевского, профессора Львовского университета, сотрудника германской разведки и будущего академика Академии наук СССР (1929 г.): «С чисто польской наглостью, достойной какого-нибудь Духинского, г. Грушевский в своей смехотворной истории, нашедшей покровительство в Петербурге, стал доказывать, что никаких великорусов или белорусов нет, что искони был только украинский народ как славянское племя, а уже от него путём колонизации и смешения с финскими племенами

образовалась убудочная народность, называемая русской. Государство русское создали будто бы тоже украинцы: древние киевские князья были украинские князья, а летописец Нестор – украинский летописец» (Там же. С. 199).

Украинское движение («украинство» или «мазепинство», как часто называли его до революции), сразу же встретившее сочувствие и поддержку части русской интеллигенции за свой оппозиционно-демократический характер, зародилось примерно в середине XIX века. В 1863 году власть уже констатировала, что «существование малороссийской партии, которая желала бы самостоятельного развития народной жизни в Малороссии, ни для кого не тайна». А то обстоятельство, что организационные центры украинского движения находились в австрийской Галиции, давало властям все основания подозревать идеологов этого движения в сепаратизме, а значит – начать борьбу с ним. Накануне Первой мировой войны, как сообщал Департамент полиции, ряд украинских националистических объединений, в частности «Союз освобождения Украины», состояли на содержании правительства Австро-Венгрии с целью ослабления Российской империи и отторжения от нее этого края. Начавшаяся мировая война подтвердила эти опасения. Уже 25 августа 1914 года «Союз освобождения Украины» выпустил обращение «К общественному мнению Европы», в котором утверждалось, что война ведется за уничтожение идеи «панмосковитизма». Как заявляли украинские сепаратисты, «только свободная, тяготеющая к тройственному союзу Украина могла бы своей обширной территорией, простирающейся от Карпат до Дона и Черного моря, оставить для Европы защиту от России, стену, которая навсегда бы остановила расширение царизма и освободила бы славянский мир от вредного влияния панмосковитизма» (Иванов, 2015).

Территориальные претензии «мазепинцев» (Иванов, 2015).

А вот текст из Директивы Совета Национальной Безопасности США 20/1 «О целях США в отношении России» от 18 августа 1948 года с грифом «Совершенно секретно»: «Украина не является четко определенным этническим или географическим понятием. В целом население Украины изначально образовалось в основном из беженцев от русского и польского деспотизма и трудноразлично в тени русской или польской национальности. Нет четкой разделительной линии между Россией и Украиной, и установить ее затруднительно. Города на украинской территории были в основном рус-

скими и еврейскими. Реальной основой "украинизма" являются "отличия" специфического крестьянского диалекта и небольшая разница в обычаях и фольклоре между районами страны» (Etzold and Gaddis, 1945-1950).

А теперь обратимся к свидетельствам современной нашей истории. Автор книги «Похищение Руси» Сергей Родин (2004) пишет: «До татарского нашествия ни Великой, ни Малой, ни Белой России не существовало. Ни письменные источники, ни народная память не сохранили о них упоминания. Выражения «Малая» и «Великая» Русь начинают появляться лишь в XIV веке, но ни этнографического, ни национального значения не имеют. ...Трехсотлетнее польско-католическое господство принесло свои отравленные плоды: возникновение униатства, полонизация русского языка, все больше превращавшегося в «мову», вытеснение русского образования, обычаев, традиций польскими – вот лишь некоторые результаты планомерно проводимого поляками курса на денационализацию русского народа» (с. 13,14, 26).

Однако народ в массе своей сохранил родной язык, православную веру, отеческие традиции, что и решило исход освободительной войны против Польши в 1648-1654 годах и последовавшее воссоединение Малой и Великой Руси. Богдан Хмельницкий, говоря о войне с поляками, «хотящими искоренити Церковь Божию, дабы и имя русское не помянулось в земле нашей», выражал понимание ее высшего смысла как борьбы русского народа за свою национальную независимость (Родин, 2004).

В 1919 году в Одессе вышли «Труды подготовительной по национальным делам комиссии». С. Родин (2004) приводит выдержки из некоторых статей этого сборника, написанных коренными малороссами.

А. Стороженко: «Всеми своими корнями украинская идеология вросла в польскую почву. ...Мы считаем украинское движение величайшим недоразумением, порождением злой воли одних и глупостью других, не видим для него никакой будущности, и нам до слез жалко тех умственных усилий, которые непроизводительно были затрачены на создание искусственной “мовы” и на мучительные потуги пользоваться этой “мовой” в научной и литературной деятельности».

А. Савенко: «Население Малороссии всегда самоопределяло и самоопределяет себя русским и к украинству, которое является не нацией, а политической партией, ...относится явно отрицательно».

Профессор-филолог И. Минниченко: «Наше расчленение на самостийные республики – результат сознания не нашего, а чужого, выгод не наших, а враждебных. ...Литературный язык Малороссии XVI-XVII веков - это какой-то ублюдок из языков южнорусского, церковнославянского и особенно польского» (Родин, 2004).

Уже в недавнее время Анатолий Железный в брошюре «Происхождение русско-украинского двуязычия на Украине», изданной в Киеве в 1998 году, в результате проведенного им исследования приходит к однозначному выводу: «Не будь польского господства, не было бы сейчас никакого украинского языка» и считает, что самое подходящее для него название – русско-польский диалект. «Разговорная сельская “мова”, - пишет С. Родин, - исторически сложилась в оккупированной поляками Юго-Западной Руси в XV-XVII веках. Первыми ее вынужденно стали использовать русские крепостные крестьяне Речи Посполитой. Приспосабливаясь к языку владевшего ими польского пана, они в общении с ним и его польской челядью постепенно перешли на разговорный русско-польский суржик, лишь намного позже получивший громкое название “украинский язык”» (с. 40).

Вот некоторые «шедевры» современных «украинских филологов»: «Украинский язык – один из древних языков мира», или: «Древний украинский язык – санскрит – стал праматерью всех индоевропейских языков» (Родин, 2004. С. 44), или: «В основе санскрита лежит какой-то загадочный язык “сансар”, занесенный на нашу планету с Венеры. Не об украинском ли языке речь?» (Братко-Кутынский, 1995).

На политической карте Восточной Европы в 1340—1389 годах ни Украины, ни Белоруссии, ни Латвии, ни Эстонии не видно! (<https://topwar.ru/6057-o-poyavlenii-ukrainskogo-yazyka.html>).

Формирование территории Украины (Матишов, 2014; Крымова, 2014).

С. Родин (2004) завершает книгу следующими словами: «...В течение долгих веков под польским, еврейским, немецким, румынским, венгерским игом сотни поколений русских православных людей боролись и умирали за то, чтобы оставаться самими собой, т.е. русскими и православными. Боролись, невзирая на беспрецедентный террор оккупантов. ...Реальный “этногенез” “украинского народа” заключался в том, что не все русские выдержали тяжесть этой борьбы: кто-то испугался, кто-то купился на посулы “лучшей жизни” и отрекся, вначале от веры отцов (уйдя в унию или католицизм), а следом и от своей природной национальности (став “украинцем”). Такова объективная историческая истина...» (с. 78-79).

Свидетельствует А.И. Солженицын (2006): «Националисты Западной Украины, веками оторванные от остальной Украины, пользуясь переполохом 1991 года, ... сумели начертать и вменить всей Украине ложный исторический путь: не просто независимость, не естественное развитие государства и культуры в своём натуральном этническом объёме, - но удержать побольше, побольше территорий и населения и выглядеть “великой державой”, едва ли не крупнейшей в Европе. И новая Украина, денонсировав всё советское законодательное наследие, только этот один дар – фальшиво измышленные ленинские границы – приняла! Когда Хмельницкий присоединял Украину к России, Украина составляла лишь одну пятую часть сегодняшней территории» (с. 78-79).

В действительности же гетман не «присоединял Украину к России». Со своим запорожским войском он одно время вместе с литовским княжеством выступал против Руси, но позднее, оказавшись не в состоянии противостоять османам с юга, а полякам и литовцам с северо-запада, развернулся в сторону единой Руси и обратился с просьбой к русскому царю Алексею Михайловичу о принятии его в подданство России: «Зело утешилися есмя, когда грамоту прочитали есмы от твоего царского Величества присланную до нас, всего войска запорожского через ближнего стольника Р.М. Стрешнева и дьяка М. Бредихина, которые нам объявили, что твоё пресветлое царское Величество пожаловал нас и изволило принять подо свою крепкую руку. И мы тому обрадовалися вельми, и рады твоему пресветлому царскому Величеству верно во всём служить и крест целовать» (цит. по: Аксаков, 2009. С. 493). Принимая это решение, в России понимали, что оно может обернуться обострением отношений как с османами, так и с Польшей и Литвой, что и случилось в итоге.

В январе 1915 года доктор славянской филологии, профессор Харьковского университета А.Л. Погодин в газете «Утро России» писал: «Русский народ один, русский государственный язык должен господствовать на всей территории распространения русского народа. Ведь и сам этот народ, и язык его создавались из слияния всех русских наречий и племен, о которых говорит еще наша первоначальная летопись. Разве язык Гоголя по своему словарю и структуре чисто великорусский язык, разве на образование нашего литературного языка не оказали сильнейшее влияние западнорусские и киевские ученые? Не будем же делить наше духовное наследие, драгоценное, когда оно составляет единое целое. Не будем его дробить на кусочки и говорить: “Это мое, а это твое”. Все это “наше”, общерусское достояние, на котором основаны и сила, и значение нашего общего государства. Нет сомнения, что разумная русская политика, внося культуру и экономическую помощь в темную массу галицийского крестьянства, еще более укрепит действительно существующую и, к счастью, еще не разрушенную “украинцами” связь великороссов с малороссами в границах одной государственности» (цит. по: Иванов, 2015). Однако история взаимоотношений России и Украины пошла по другому пути.

Спустя столетие последователь М. Грушевского некий И. Рассоха (2009) утверждает, что прародиной человеческой цивилизации является Украина: «По своему месту и уникальной роли в истории Украину превосходит лишь древний Ханаан –

Палестина, Сирия и Ливан. Лишь эти освященные Библией места можно сравнить с Украиной по их значению в истории – как прародины современной культуры (с. 310). Рассоха задает риторический вопрос: а что это дает украинцам? И отвечает: «Дает осознание того, что именно от нас, украинцев, зависит весь ход мировой истории. Дает осознание того простого факта, что Украина – сама по себе великая страна, древнее территориальное и историческое единство, где возникали великие державы Скифия, Готия и Русь» (с. 312).

Похоже, что принципы антироссийских информационных войн, основанные на наглой лжи, изобрели не нынешние американцы, и не гитлеровцы, а наши «братья-славяне» в своей «воспалённой ненависти» к русской культуре. В своём безудержном русофобском угаре нынешняя Украина уничтожает уже тысячами русских людей на Донбассе, поддерживает в 1990-е годы экстремистов на Северном Кавказе и позднее – в Грузии, а сегодня поставляет ракетную технику головорезам так называемого «игил» в Сирии с целью защитить их от российских воздушно-космических сил.

Уже в наши дни Александр Широкоград (2007) пишет: «Из многотиражных СМИ украинцы узнают, что герои Севастопольской обороны матрос Кошка и адмирал Нахимов на самом деле имели фамилии Кишка и Нахименко, но подлые москали все переврали. Былинный богатырь Илья Муромец на самом деле был родом не из какого-то далекого Муром, а с запада Украины. Римский поэт Овидий в I веке н. э. писал стихи на... украинском языке. На том же языке разговаривал Ной, строя ковчег. А кто открыл Америку? Кто населял Атлантиду? Кто был по национальности Иисус Христос? Догадались? Все правильно! И все это злыдни-москали скрывали от многострадального украинского народа. Естественно, что за проповедью национальной исключительности следует идея неполноценности других национальностей. Вот, к примеру, в газете “Литературная Украина” в номере от 28 января 1999 г. говорится: “Создан специальный тип людей, который можно охарактеризовать таким образом: это низкий интеллектуальный, духовно и культурно убогий уровень. По большому счету этот тип людей напоминает простейшие биологические создания. Этот новый тип хорошо всем знаком, и название его – русскоязычный этнос”» (с. 5).

И ещё: «Термин “Киевская Русь” – это выдумка историков. В самом деле, ни в одном письменном русском и зарубежном источнике не упоминается государство с таким названием. Везде говорится о Руси, Русском государстве и т. д. Лишь в XVIII–XIX веках наши историки выдумали термин «Киевская Русь». Им попросту понадобилась метка для обозначения Русского государства IX–XII веков, чтобы не путать его с Русским государством со столицей Москва. ...Метка “Киевская Русь”, неосторожно введенная русскими историками, стала козырной картой самостийников, превративших Русское государство IX–XII веков в украинское государство “Киевская Русь” (Широкоград, 2007. С. 15).

М.О. Меньшиков был убеждён, что только сильная государственная власть, представляющая интересы всей нации, способна спасти Россию: «Слабость центрального мускула в своих средних стадиях не смертельна, однако в последнее столетие обнаружили слишком зловещие признаки. Кроме страшной отсталости культурной и её следствия – нищеты, мы пережили две позорные войны, и последнюю – с врагом, физически втрое слабейшим (Японией, *прим. У.В.*). Мы переживаем постыдные годы бунта, где народные отбросы в союзе с инородцами (революция 1905 г., *прим. У.В.*) терроризируют власть, срывают парламент, лишают возможности культурного устройства, предают трудовую часть нации разгрому и грабежу. Всё это явления, не обещающие ничего доброго. ...Нам нужна не какая-нибудь, а непременно сильная власть. Нам необходимо могучее сердце, иначе мы пропали. Это сердце и теперь, как на заре истории, может быть создано народным организмом. Оно должно быть создано!» (Там же. С. 130).

В отличие от крайне правых монархических партий, понимающих сильную власть как тиранию, М.О. Меньшиков (1999) придавал огромное значение работоспособному парламенту как представительному органу российского общества. Спасение России от смуты он видел в возвращении к устройству общества по трудовому типу: «Надо вернуть обществу органическое строение, ныне потерянное. Надо, чтобы трудовое правительство постоянно освежалось и регулировалось трудовым парламентом, то есть представительством трудовых сословий страны». Главную причину русской смуты 1905 года писатель видит в принижении древнего сословного духа, в попустительстве царской власти демократической деятельности разночинного, «межсословного класса» - интеллигенции. Он предлагал заменить существующие фальшивые и бессмысленные сословия действительными сословиями, трудовыми профессиями. И начинать это нужно было с переустройства русской школы – «с главного очага революции – с бессословной школы», которую Меньшиков называл «школой разврата», порождающей обломовщину, интеллигенцию с её частым профессиональным дилетантизмом.

Статью «Быть ли России великой?» Михаил Осипович уверенно завершает словами: «Что бы там ни болтали ограниченные умом политиканы, Россию создавать не нужно: она создана – и создана историей не в чигиринском или конотопском горизонте, а в очертаниях мировой державы» (Меньшиков, 2012а. С. 205).

Заключение. Таким образом, взяв на вооружение примат совести в культурном и политическом пространстве России, М.О. Меньшиков отстаивал принцип самосохранения русской нации, тот самый принцип, который уже в наше время в работе «Как нам обустроить Россию» утверждал Александр Исаевич Солженицын. М.О. Меньшиков полагал, что только при главенствующей роли русской нации в общественной и политической жизни Россия может быть великой и процветающей державой, а ориентация на “национальное самоопределение” в условиях России XIX века означала бы её распад. Что и произошло со страной в конце XX века: реализованное большевиками право наций на самоопределение и привело, в конце концов, к гибели великую державу – Советский Союз.

Список использованной литературы

- Аксаков К.С.* Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 606 с. (Серия «Русская цивилизация»).
- Братко-Кутынский А.* Феномен Украины // Вечерний Киев. 1995. 27 июня
- Железный А.И.* Происхождение русско-украинского двуязычия на Украине. Киев, 1998. 107 с. (<http://fanread.ru/book/5316821/?page=1>).
- Иванов А.* Русская государственность и украинство // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба «Православие. Самодержавие. Народность». 2015. 21 января (http://ruskline.ru/history/2015/01/21/russkaya_gosudarstvennost_i_ukrainstvo/).
- Крымова С.* Украинский гамбит. Учёные призывают учить историю тщательно // Газ. «Поиск». 2014. № 29-30. 25 июля.
- Матишов Г.Г.* Украина и Россия: книга иллюстраций взаимоотношений и истории (обстоятельства, риски, тенденции). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 224 с.
- Меньшиков М.О.* Русское пробуждение // Газ. «Новое время». 1910. № 12165 от 23 января (5 февраля). С. 3.
- Меньшиков М.О.* Быть ли России великой? // Газ. «Новое время». 1911. № 12557 от 26 февраля (11 марта). С. 4.
- Меньшиков М.О.* Великороссийская идея // Газ. «Новое время». 1913. № 13464 от 5 (18) сентября. С. 4.
- Меньшиков М.О.* Письма к русской нации. М.: Изд-во журнала «Москва», 1999. 558 с.

Меньшиков М.О. Великорусская идея. Т.1. М.: Институт русской цивилизации, 2012а. 688 с. (Серия «Русская цивилизация»).

Меньшиков М.О. Великорусская идея. Т.2. М.: Институт русской цивилизации, 2012б. 720 с. (Серия «Русская цивилизация»).

Рассоха И.Н. Прародина русов. М.: Эксмо: Алгоритм, 2009. 383 с.

Родин С. Похищение Руси. Курск: «Святогор»; «Веркол», 2004. 80 с.

Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию: Посильные соображения. Л.: Сов. писатель, 1990. 64 с.

Солженицын А.И. Россия в обвале. М.: «Русский путь», 2006. 208 с.

Стругацкий А., Стругацкий Б. За миллиард лет до конца света: Фантастические произведения. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2008. 624 с.

Трофимова В.Б. Предисловие // Меньшиков М.О. Великорусская идея. Т.1. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 5-70.

Усольцев В.А. «Апология почвенничества» Аполлона Григорьева в контексте современных российских реалий // История в подробностях (Новороссия). 2015. № 6 (60). С. 84-93 (<https://editionpress.ru/istoria/vyshedshie-nomera-istoria/nomera-za-2015-god-istoria/227-istoria-6-2015>).

Широкопад А.Б. Россия и Украина. Когда заговорят пушки... М.: АСТ, 2007. 429 с. (Серия: Великие противостояния).

Etzold T.H., Gaddis J.L. (eds.). Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945-1950. NSC 20/1. P. 173-203. (Текст оригинала: http://www.sakva.ru/Nick/NSC_20_1.html; текст перевода, выполненного Николаем Саквой: http://www.sakva.ru/Nick/NSC_20_1R.html).

Рецензент статьи: профессор Уральского государственного лесотехнического университета, доктор техн. наук Р.Н. Ковалев.